

2. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 448 с.
3. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996. 168 с.
4. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
5. Грошева И.А. Социальный контроль в практиках профилактики девиации // СоцИс. 2008. № 2. С. 97-101.
6. www.regnum.ru/news/1056291.html.
7. Mannheim, H. Comparative Criminology. L., 1973. Vol. 2, 143 p.

Вера Владимировна ГАВРИЛЮК —
директор Института гуманитарных наук
Тюменского государственного
нефтегазового университета,
доктор социологических наук, профессор
gavriliuk@list.ru

Татьяна Владимировна ЛАТЬШЕВА —
аспирант кафедры прикладной социологии
Российского государственного
гуманитарного университета
(г. Москва)
frozen_heart@mail.ru

УДК 316.346.32:316.624

ГРАНИ ДЕВИАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СУБКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

DEVIATION BORDERLINES OF RUSSIAN YOUTH: THE SUBCULTURAL ASPECT

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются базовые российские и зарубежные субкультурные концепции в их связи с теориями девиации. Авторы рассматривают готическую субкультуру и субкультуру гопников как два пути социального исключения молодежи в современном российском обществе.

SUMMARY. The core Russian and foreign subcultural concepts in connection with the deviation theories are reviewed in the article. The authors consider gothic subculture and the subculture of «gopniki» as two ways of the youth social exclusion in the modern Russian society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. девиация, маргинализация, социальное исключение, молодежные субкультуры, готы, гопники.

KEY WORDS. Deviation, marginalization, social exclusion, youth subcultures, goths, «gopniki».

Ценностный мир, нравственность, социальное поведение представителей молодого поколения являются актуальными объектами научной рефлексии на протяжении многих десятилетий. Молодежный вопрос в социологической науке длительное время рассматривался как объект проблематизации, порождая многочисленные трактовки происхождения и социокультурного значения разнообразных молодежных групп. Отдельную область исследований молодежи, наиболее зна-

чимую для нас в ходе исследования, составляют субкультурные теории, большинство из которых в той или иной мере пересекается с теориями девиации.

Первые исследования молодежных субкультур проводились социологами Университета Чикаго с 1920 по 1940-е гг. и были связаны с изучением девиантного поведения в молодежной среде. «Банда» Ф. Трэшера [11] и «Танцевальный зал» П. Кресси [9] — примеры чикагских исследований девиантных жизненных стилей маргинальной малообеспеченной городской молодежи. Исследования молодежи в рамках данной традиции придавали особое значение этническим, криминальным субкультурным группам, признанным относительно автономными культурными подсистемами внутри доминирующей культуры общества, однако определение границ этой базовой, нормативной культуры оставалось недостаточно четким. Модель чикагской школы не являлась единственным вариантом субкультурной теории в США. Развивая теорию аномии Э. Дюркгейма, Р. Мертон утверждал, что девиация порождается расхождениями между культурными целями общества и возможностями его членов достичь этих целей. Его теория связывает девиантное поведение индивидов с господствующей социальной структурой через различные типы социального действия. Тип «девиантного» действия, противостоящего целям господствующей культуры, зависит от вида и степени аномии данного общества. Субкультуры, по Мертону, возникают в результате использования нетрадиционных средств достижения основных культурных целей или вследствие полного отвержения целей и жизненных стратегий, предписанных индивиду господствующей культурой [2]. Развивая теорию Р. Мертона, А. Коэн подчеркивал, что субкультуры появляются тогда, когда «несколько личностей с одинаковыми проблемами в социальной адаптации взаимодействуют друг с другом и создают новые системы социальных отношений» [6]. По Коэну, и социальная структура, и современная урбанизированная социальная среда являются причиной молодежных проблем.

Работа Р. Клоуорда и Л. Олина [5] о делинквентной субкультурной молодежи также начинается с обоснования расхождения между целями доминирующей культуры и возможностями маргинализованной молодежи рабочего класса. Однако в их теории невозможность достичь успеха в обществе связывается не с индивидуальными проблемами личности, а с системным общественным кризисом, в результате которого люди теряют веру в легитимность существующего социального порядка. Это и служит причиной возникновения субкультур. Р. Клоуорд и Л. Олин настаивают на том, что представители субкультур не только отвергают базовые культурные ценности, но и имеют возможность создать новую, альтернативную систему общественных отношений.

Первая волна американских субкультурных исследований имеет несколько слабых сторон. Теоретические построения представителей Чикагской школы являлись излишне детерминистскими, концептуализируя субкультурные образования главным образом как реакцию на «мэйнстрим» и базовую культуру. Теории девиации редуцировали причины возникновения субкультур к расхождениям между желаниями и средствами экономического преуспевания, сводя к минимуму значимость других факторов. Анализ также был ограничен исследованием субкультуры бедных, а также других меньшинств в больших городах [12; 590]. Развитие субкультурной концепции в США замедлилось в 1960-1970-е гг., тогда как в Великобритании возник радикально иной подход к субкультурам.

Группа ученых британского Центра Современных Культурных Исследований (CCCS) на протяжении 1960-70-х гг. анализировала различные аспекты моло-

дежной культуры того времени — тедди бойз, модов, рокеров, хиппи, панков и др. [10; 21]. Британские субкультурные теории демонстрировали разрыв с американскими традициями структурного функционализма и девиации, основываясь на неомарксистском классовом подходе. Ученые CCCS ставили более четкие и узкие исследовательские задачи, нежели рассмотренные выше американские исследователи: объяснить появление субкультур в послевоенной Великобритании, а не субкультурного феномена как такового. Они считали, что британские субкультуры возникли как результат желания рабочей молодежи отличаться как от родительской культуры рабочего класса, так и от доминирующей буржуазной культуры. Следовательно, субкультуры формулировались не в терминах девиантного поведения или социокультурной напряженности, а как формы сопротивления культурной гегемонии, как борьба между буржуазией и пролетариатом за культурную и социальную власть. Субкультурная молодежь находила возможности для самореализации лишь в рекреационном пространстве деятельности, в досуговых формах активности, однако в реальной социальной жизни представители субкультур вынуждены были возвращаться в профессиональные училища и на бесперспективную работу [13]. Наиболее ярко сопротивление субкультурной молодежи проявлялось в конструировании собственных стилей. В рамках стилевой концепции стоит отметить исследования М. Брейка, глубинно изучившего смысловые аспекты содержания субкультур. Он отмечал, что субкультуры отражают попытки молодежных групп разрешить структурные социальные противоречия, а субкультурный стиль является символическим ресурсом, позволяющим формировать внеклассовую идентичность [4].

Механизм «наклеивания ярлыков» девиантности представителям субкультурных меньшинств был исследован С. Коэном. Его работа «Народные беды и моральные паники» [8] является одной из базовых в русле исследуемой проблематики. На примере молодежных субкультур модов и рокеров С. Коэн исследовал, как происходит формирование общественного мнения о молодежных субкультурах, какие каналы влияют на данный процесс, как и с какой целью происходит инкорпорирование субкультурной стилистики в общекультурный контекст. Он впервые обозначил относительность понятий «девиант», «девиация», «социальная проблема», назвав их ярлыками, приклеиваемыми СМИ и формальными институтами представителям молодежных субкультур. Социальные группы, по Коэну, создают правила, нарушение которых признается девиацией, а людям, эти правила нарушающим, автоматически приклеивается ярлык аутсайдера. Поэтому необходимо исследовать не только самих «девиантов», но и формы социальной реакции, определяемые и конструируемые средствами массовой информации.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что британские теоретики акцентировали внимание на трех основных проблемах в изучении молодежных субкультур. Во-первых, они настаивали на важности различения понятий «субкультура» и «делинквентность» [7]. Во-вторых, они подчеркивали, что большинство молодежи никогда не войдет в субкультуры, следовательно, маловероятно, что какие бы то ни было обобщения субкультурного анализа применимы к молодежной культуре в целом. В-третьих, они признавали, что причина участия в субкультурах не обязательно коренится в желании достигнуть экономического успеха неинституциональными средствами, и сопротивление базовой культуре также не всегда является их первоочередной задачей. Как и многие американские предшественники, британские ученые сосредоточились преимущественно на культуре низшего класса, также рассматривая в качестве эмпирического объекта исследования в основном белых мужчин. Классовый подход

не давал объяснения того, как различные субкультуры, имея происхождение из одного и того же рабочего класса, используют совершенно различные наборы символов в своем сопротивлении доминирующей культуре.

В современной зарубежной социологии научные дискуссии субкультурной проблематики либо концентрируются на критике британской субкультурной концепции, либо, напротив, отстаивают ее значимость. Постсубкультурные исследования заняты коллективным поиском объяснения функционального, объединяющего и деятельного аспекта молодежной материальной и нематериальной культуры. Также для всех теорий данного направления характерен анализ специфики влияния современных маркетинговых коммуникаций на возникновение и развитие субкультурных стилей и связанных с этим кризис субкультурной аутентичности.

Что касается отечественной социологической традиции, то вплоть до 1990-х гг. термин «субкультура» использовался советскими социологами лишь в рамках критики западной буржуазной социологической традиции. Однако внимание к социокультурным «девиациям» молодого поколения возникло еще в эпоху хрущевской оттепели, когда появляются первые в СССР неформальные молодежные объединения. Представители первой советской молодежной субкультуры — стилиаги — считались жертвами «тлетворного влияния Запада», аморальными и бездуховными молодыми людьми, бросающими вызов социалистическому устройству общества [3]. Подобные формы молодежного активизма считались неприемлемыми и требовали немедленного социального вмешательства со стороны формальных молодежных организаций (комсомола) и других институтов социализации с целью их полного искоренения.

Субкультурный дискурс в отечественной науке возник в конце 1980-х годов. Этот период характеризуется значительным плюрализмом методологических концепций исследования молодежи, связанным с ростом либерализации советского общества. Западный стиль жизни, в особенности потребительские практики, по-прежнему позиционировались как чуждые советской молодежи, однако его культурное влияние на молодое поколение времен перестройки неоспоримо. В конце 1980-х гг. в СССР появляются многочисленные молодежные субкультуры, многие из которых уже прошли на Западе полный цикл своего существования. Социологи в этот период приходят к осознанию реального многообразия молодежных идентичностей, возрастает интерес к специфическим социокультурным практикам. Советские исследователи, избегая термина «субкультура», использовали понятие «неформальное объединение молодежи» (НОМ). В работах С.Н. Иконниковой, А.И. Ковалевой, В.Т. Лисовского, В.А. Лукова, В.Ф. Левичевой, С.Н. Щегловой, П.С. Гуревича, Э.А. Орловой, И.К. Кучмаевой, С.Я. Матвеевой, И.В. Бестужева-Лады, Г.С. Кнабе исследуются культурологические, социокультурные, социально-психологические аспекты функционирования молодежных субкультур. Трактовка феномена молодежной субкультуры, предлагаемая учеными в эти годы, во многом отличалась от доминирующих западных концепций. Рост числа молодежных субкультур указывал, по мнению авторов, на наличие кризиса базовых социализирующих институтов, сбоев в механизме трансляции культуры и противоречий между интересами различных социальных групп.

В 1990-е гг. феномен молодежной субкультуры начинает осмысливаться в более позитивном ключе. Ученые Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ предложили концепцию субкультур, противоположную вышеизложенной. К данной научной школе можно отнести В.М. Петрова, К.Б. Соколова, Н.А. Хренова, Л.Г. Бояджиева, В.С. Жидкова. Разнообразие

субкультур, с их точки зрения, свидетельствует о культурном богатстве общества, росте его адаптационных способностей в условиях ускоряющихся трансформаций современного мира. Исследованиями молодежных субкультур в эти годы также занимались В.А. Луков, И.А. Буденко, В.П. Беянина, С.И. Левикова, З.В. Сикевич, Т.Б. Щепанская, А.И. Шендрик и др. В постсоветский период было бессмысленно отрицать наличие общих черт у российской и зарубежной молодежи, западное культурное влияние перестало оцениваться исключительно негативно. Появляются исследования конкретных молодежных практик в рамках субкультурных формирований, анализируется связь субкультурной активности молодежи с удлинением срока получения образования, технической модернизацией общества, развивающимися рыночными отношениями и потребительскими практиками нового капиталистического общества, возникает дискурс неконформизма как особой формы социокультурной адаптации.

Среди новейших исследований молодежной культуры и субкультуры в России необходимо выделить прежде всего проекты научно-исследовательского центра «Регион» Ульяновского государственного университета. Основатель центра Е.Л. Омельченко исследует культурные и стилевые стратегии современной российской молодежи, уделяя значительное внимание анализу повседневности различных молодежных сфер — так называемой «нормальной молодежи», т.е. поп-культурного мэйнстрима, криминальных маскулинных сообществ гопников и скинхедов, гомосексуальной субкультуре, субкультурам альтернативного жизненного стиля. Также среди современных исследований молодежных субкультур необходимо отметить работы С.И. Левиковой и В.А. Лукова.

Как показывает наш обзор, субкультурный дискурс в отечественной и зарубежной социологии непосредственно связан с исследованием причин и механизмов маргинализации той или иной молодежной группы. Специфика новых субкультурных феноменов, постоянная динамика данного явления определяют актуальность исследования двух «параллельных миров» российской молодежи — готической субкультуры и гопников. Сущностные характеристики этих культур, социальный портрет их типичных представителей, специфика восприятия субкультур другими молодежными группами остаются в российской социологии практически неизученными.

Представление «нормальной» молодежи о себе, выраженное в позициях лидеров мнений — наиболее образованной, активной, адаптированной к динамичной реальности молодых людей, представляет собой интеграционную модель развития молодежи. Ю.А. Зубок различает два альтернативных пути развития молодежных групп в современной России — социального исключения и социальной интеграции [1; 209-222]. Интеграционная модель, с точки зрения Ю.А. Зубок, реализуется в случае институциональной регуляции рисков и конфликтов в развитии социальной группы молодежи, развитие носит позитивную направленность. Социальное же исключение, напротив, выражает негативные тенденции социального развития этой группы: отторжение различных групп молодежи, во-первых, от средств жизнеобеспечения, политических и социальных прав. Как статусная характеристика социальное исключение символизирует положение отторгнутой, исключенной социальной группы. Автор связывает причины социального исключения только с материальными составляющими жизни человека. На наш взгляд, помимо этих механизмов социальное исключение может возникать вследствие дифференциации молодежных групп на основании их эстетических ориентаций, порождая формы духовного ретретизма. Проблема маргинализации новых поколений, связанная с распространением механизмов социального исключения, сегодня не исчезает и не сокращается, а принимает совершенно новые,

по сравнению с прошлым, формы. Полярные молодежные субкультуры, иллюстрирующие два пути социальной изоляции в молодежной среде — это готы и гопники.

В отечественной социологии сегодня практически нет работ, посвященных молодежному феномену, широко распространенному в российской провинции — «гопникам». Между тем степень распространения этого явления, характер включенности молодежи, влияние на социализацию нового поколения этой субкультуры чрезвычайно велики. Периоды возникновения и возрождения гопничества в России (20-е и 90-е гг. XX века) связаны с переломными годами в социальном, экономическом и духовном развитии страны и являются следствием системного кризиса российского общества. Сегодня гопники — это реальная форма социализации большей части молодежи из низшего и низшего среднего класса в российской провинции. Социальная опасность феномена гопников не осознается современниками в полной мере, так как эта молодежь не проявляет себя как активная реакционная группа подобно, например, скинхедам.

Суцность мировоззрения гопников — агрессивное отрицание ценностей культуры: высокого уровня образования, межэтнической толерантности, труда, стремления к самосовершенствованию и приверженности к этическим ценностям. Гопники — принципиально маргинальное течение, где размыты представления о социальных, нравственных, правовых нормах. Основным средством проведения досуга представителей гоп-культуры является мелкий грабёж и уличные драки. Преступления всегда совершаются большой «бандой» против одиночной жертвы или группы, значительно уступающей по численности. Чаще всего жертвами гопников становятся различные неформалы — от металлистов до рэперов.

Слово «гопник» не используется представителями субкультуры для самоидентификации. Человека, который разделяет ценности гоп-культуры, внутри группы называют «пацаном» или «нормальным пацаном». Интересным представляется выбор слова «пацан», которое в русском языке является синонимом слов «мальчик», «юноша». Если, к примеру, неформалы своим названием подчеркивают несоответствие стандарту, отличие от других, то гопники показывают, что они обычные, нормальные, такие, какими должны быть все — «нормальные», а не девианты. Для гопника одной из наивысших ценностей является принадлежность к группе. Первичная группа — это единственная социальная ниша, в которой он может себя реализовать, получить признание и уважение за смелость, принципиальность, верность товарищам. Только в узких рамках ценностной системы «будь как все, не противопоставляй себя группе» гопник может реализовать свою «индивидуальность».

Сообщества гопников находятся под сильным влиянием криминальной субкультуры. Это проявляется, в частности, в языке, представлении о нормах и ценностях, особенностях поведения, однако отождествлять эти две субкультуры было бы неправильно. Гопника отличает способность к прямому действию, он не рефлексировывает. Его индивидуальность — это миф, так как гопник, осознавший свою индивидуальность, автоматически выбывает из их числа.

Без сомнения, гопники выделяются из общей массы внешним видом, одеждой. Изначально спортивный костюм и кепка были единственной одеждой, которую семья могла себе позволить. Сейчас гоп-культура постепенно теряет ассоциацию с бедностью, социальная дифференциация наблюдается и среди гопников. Инвариантность моды относительно социального положения свидетельствует о том, что совокупность показателей, описывающих социальную группу гопников — это не просто характеристики бедной, плохо воспитанной, необразованной молодежи, она может претендовать на то, чтобы рассматри-

ваться в качестве особой субкультуры или молодежного движения. Изначально гоп-культура демонстрировала нам первый, классический путь социального исключения и маргинализации, связанный с бесправием, отсутствием достойного качества жизни и низкими жизненными шансами. Однако современный уровень распространения гоп-культуры приводит к смещению в сознании молодых людей представлений о «норме» и девиации, экспансию гопнических «ценностей» во многие другие социальные группы.

Готическая субкультура, представляющая собой совершенно иной по форме и содержанию путь молодежной маргинализации, сформировалась на Западе к середине 1980-х годов. *Сущность готической культуры можно определить как неодадактскую постмодернистскую эклектику, основанную на положениях экзистенциализма, иррационализма, романтизма, эстетики средневекового и авангардного искусства, символизма и декаданства.* Крайний индивидуализм, культ оригинальности, избирательность круга общения, романтизация меланхолии, пристрастие к сверхъестественному, мистическому, эксцентричному, интерес к определенным формам классического и современного искусства позволяют говорить о готике как о современной форме декаданса, объединяющей интеллектуально развитую и творческую молодежь. Можно сказать, что представители готической субкультуры — это новые денди постсовременности, стремящиеся к артистичности и самовыражению в своем внешнем облике, поведении, творчестве. Чрезвычайно важны для готов образы смерти, упадка, разрушения, распада, нашедшие отражение в произведениях искусства. Рефлексия танатологической культуры в разнообразных ее формах — философской, литературной, кинематографической, визуальной, медицинской, культ перверсии и аномалий, эстетика авангардного искусства составляют суть альтернативного жизненного стиля «темной» личности.

В России готическая субкультура появилась во второй половине 1990-х гг., в течение нескольких лет объединяя довольно узкий круг людей. Популяризация этого движения произошла в начале 2000-х, когда возникла мощная вторая волна, подкрепляемая пристальным вниманием СМИ. Стереотипный образ «гота» активно внедрялся в массовое сознание усилиями желтой прессы, молодежных комедийных телесериалов и развлекательных программ. В этот период пришло множество подростков, привлеченных лишь эпатажной внешней атрибутикой. Помимо этого, появляются так называемые псевдоготы — антисоциальные группы, стремящиеся прикрыть свою деятельность (такую как вандализм на кладбищах, дьяволопоклонничество, демонстративное суицидальное поведение и т.п.) модным ярлыком готической субкультуры. Еще одна стилистически близкая, но весьма отдаленная от готики по содержанию субкультура, — так называемые «херки» (от англ. «her» — ей). Это поклонники группы HIM (англ. «him» — ему) и ее подражателей, играющих в стиле *love metal*, в музыкальном плане имеющих весьма опосредованное отношение к готике. Сегодня определение «херка» является ругательством, определяющим примкнувшего к темной культуре человека, не развитого интеллектуально, не обладающего чувством стиля и не разбирающегося в музыкальных направлениях, причем вне зависимости от того, слушает он *love metal* или нет. Подобная ситуация не может не порождать конфликтов и противоречий внутри субкультурной группы. Благодаря набравшей популярность субкультуре эмо, численность приверженцев готической субкультуры в России значительно сократилась, снизился риск потери самобытного стиля, однако стереотипный образ, сформированный ранее не без участия «херок», продолжает распространяться в СМИ.

Помимо положительных сторон включения индивида в готическую субкультуру как *peer group*, существует скрытая социальная опасность подобного эска-

пизма, связанная отнюдь не с внешне наблюдаемыми явлениями вроде эпатажной атрибутики или злоупотребления алкоголем. Уход наиболее интеллектуальной, творчески одаренной молодежи в субкультурную сферу представляет собой духовный ретретизм, причины и последствия которого сегодня наименее заботят органы молодежной политики. В социологической науке мертоновский термин «ретретизм» рассматривается в рамках теории аномии как форма социального бегства, связанная с полным отрицанием социально одобряемых целей деятельности и, соответственно, отказом от институциональных средств их достижения. Обычно в эту категорию включают людей, страдающих всеми формами социальных болезней — психопатов, психоневротиков, отщепенцев, бродяг, хронических алкоголиков и наркоманов [2]. Однако существует и духовный ретретизм, не связанный с материальными причинами. Он не имеет формы социального бегства, так как человек сохраняет полный социально одобряемый набор статусов и ролей. В подобном случае речь идет о культурном бегстве, проявляющемся в самоисключении индивида из среды, разделяемой большинством общества культуры. Социальная опасность данного явления заключается не в активно насаждаемых социальных мифах о «сатанизме», «сексе на могильных плитах», «поклонении смерти» и т.п., а в отказе молодежи от общественно значимых ценностей, утрате веры в возможность прогрессивного развития социальной сферы, социальной индифферентности и апатии. Длительное состояние аномии российского общества привело к утверждению западных рыночных ценностей успеха, бездумного потребительства, приоритета материального над духовным, культа состоятельности, культа идеального тела как базовых в обществе и в особенности — в молодежной среде. Однако подобный ценностный набор оказался достаточным далеко не для всех. Поэтому, чем меньше молодежь будет находить в социальности настоящих ценностей, тем сильнее будут проявляться разнообразные формы духовного ретретизма. Квинтэссенция ценностного мира современной готической субкультуры — это крайняя форма отторжения вышеперечисленных «ценностей», связанная со стремлением к их уничтожению, хотя бы в эстетической форме.

Очевидно, что наибольшей заинтересованностью субкультурной тематикой и познаниями в данной сфере обладают молодые люди, и в первую очередь — студенческая и учащаяся молодежь. Поэтому предметом эмпирического исследования было избрано отношение молодых людей к гопникам как социальному явлению и феномену повседневности, а также локальной специфики их отношения к готической субкультуре. В рамках данного проекта ЦИОМ НИИ исследования общества ТюмГНГУ по инструментарию авторов были проведены исследования степени осведомленности молодежи о существовании субкультур, качества отношения, степени толерантности к ним и уровня знаний о субкультурах.

В исследовании отношения к гоп-культуре были использованы методы фокус-групп, наблюдения, анкетирования, экспертного опроса. В качестве респондентов в опросах приняли участие школьники 10-11 классов Тюменской области — 518 человек и их родители — 512 человек (в качестве экспертов); учащиеся НПО и СПО города Тюмени — 791 респондент. Качество отношения к готической субкультуре исследовалось с помощью анкетного опроса студентов российских вузов. Опрос охватил 633 студента ТюмГНГУ, 481 студента филиалов ТюмГНГУ, 300 студентов Иркутского университета, 213 студентов Ульяновского университета, 347 студентов Северо-Западной академии государственной службы (г. Санкт-Петербург), 121 студента Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Полученные результаты подтверждают факт массового распространения субкультуры гопников в российской провинции, в особенности среди подростков и

молодежи, относящейся к периоду ранней юности. Так, только 12,7% опрошенных школьников ответили, что ничего не знают о гопниках; большинство респондентов имеет опыт общения, значительная часть находится в постоянном контакте с ними. Более того, из анализа открытых вопросов видно, что примерно пятая часть подростков мужского пола выражает симпатии этой молодежи, или признается, что принадлежит к ней. При отчетливо выраженной позиции респондентов об агрессивности поведения гопников по отношению к «другой» молодежи, примерно треть опрошенных считает, что лично им ничего от встречи с гопниками не угрожает. Количественные оценки распространенности гоп-движения сегодня достаточно сложны, поэтому даже этот условный факт может служить ориентиром для анализа глубины маргинализации современной молодежи.

Что касается отношения студентов к готической субкультуре, то результаты исследования свидетельствуют о практически повсеместной осведомленности студентов о ее существовании. Отношение к ней также сформировано. Нейтральная позиция преобладает во всех городах, однако процентная доля опрошенных студентов, высказавших негативное отношение, также достаточно высока. Наиболее толерантны к готической субкультуре студенты из Москвы и Иркутска (отрицательно относятся 24,3% и 29,1% респондентов соответственно), наименее — студенты петербургской академии. Почти 50% ориентированных на государственную службу петербургских студентов выразили негативное отношение к готической субкультуре, что отражает скрытую конфронтацию между конформной, политизированной, социально активной молодежью и группами молодых людей, предпочитающих культурное поле самовыражения. Анализ открытых вопросов показал, что лишь единичные высказывания респондентов носят толерантный характер или демонстрируют положительный настрой респондентов. Высказывания же, указывающие на крайне негативное восприятие субкультуры, составляют порядка 15-20% в Тюменской области, помимо этого около 5% ассоциируют носителей исследуемой субкультуры с психически нездоровыми людьми. В Москве же подобным образом ответили лишь около 3% и 4% респондентов соответственно. Данный факт демонстрирует полное отсутствие толерантности к готической субкультуре у четвертой части молодежи Тюменского региона, а также общий уровень их культуры. Столь ярко выражаемая ненависть к неформальной молодежи является косвенным показателем принадлежности четвертой части студентов региона к субкультуре гопников.

Таким образом, критический обзор теоретико-методологической базы исследования демонстрирует факт неразрывной связи субкультурных концепций и теорий девиации. В современной социологии молодежи концепция социального исключения способна объяснить расцвет гоп-движения в 1990-е гг, однако современная экспансия его ценностей свидетельствует о стирании граней между молодежной субкультурой низшего класса и сообществами молодежи из благополучных социальных групп. Это проявляется в таких компонентах субкультурного стиля, как имидж, манеры, аргументация, и позволяет говорить о существовании отдельного культурного, а точнее, антикультурного поля, вовлекающего в свои ряды порядка 30% молодых людей российской провинции. Феномен готической субкультуры, как и другие формы неформальных молодежных субкультур, существует в России в контексте противостояния засилью массовой поп-культуры, столичного гламура, псевдо-гламура провинциальных окраин, а также постоянному насилию со стороны гопников. Крайняя форма духовного бегства из поля господствующей культуры, выраженная в пристрастии к неакадемической эстетике, является формой духовного ретретизма части интеллектуальной и творческой молодежи. Органам социальной политики и образова-

тельными учреждениям необходимо обратить внимание не на внешне наблюдаемые, кричащие формы оппозиционности, уже давно утратившие сущность истинного протеста, а на отказ молодежи от общественно значимых ценностей, утрату веры в возможность прогрессивного развития социальной сферы, духовный эскапизм при сохранении внешнего присутствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., Мысль, 2007.
2. Мертон Р. Социальная структура и аномия // СоцИс. № 2. С. 118-124. № 3. С. 104-114. № 4. С. 91-96.
3. Пилкингтон Х. Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры // Другое поле. Социологические практики / Под ред. Е.Л. Омельченко, С.А. Перфильева. Ульяновск: Изд-во «Средневолжский научный центр», 2000. С. 17-28.
4. Brake, M. Comparative Youth Culture: the sociology of Youth subcultures in Britain and Canada. London, Routledge, 1993.
5. Cloward, R., and Lloyd, O. Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs. NY.: Free Press, 1960.
6. Cohen, A. Delinquent Boys: The Culture of the Gang. NY.: Free Press. 1955.
7. Cohen, Phil. Subcultural Conflict and Working Class Community. Working Papers in Cultural Studies. Birmingham, 1972. Pp. 5-51
8. Cohen, S. Folk Devils and Moral Panics. The creation of the mods and rockers. Oxford: Basil Blackwell. 1987.
9. Cressey, P.G. The Taxi-Dance Hall. NY.: Greenwood Press. 1932.
10. Sparks, Colin. The Evolution of Cultural Studies. London: Arnold. 1998. Pp. 14-30.
11. Thrasher, F. The Gang: A Study of the Gangs in Chicago. Chicago, IL: University of Chicago Press. 1927.
12. Williams J.P. Youth-Subcultural Studies: Sociological Traditions and Core Concepts // Sociology Compass, 2007. Vol. 1, Iss. 2. Pp. 572-593.
13. Willis, P. E. Learning to Labor: How Working-Class Kids Get Working-Class Jobs. NY: Columbia University Press, 1981.

*Антон Александрович МАКАРОВ —
аспирант кафедры экономической социологии
Международного института финансов, управления и бизнеса
Тюменского государственного университета
Makarov_a_a@mail.ru*

УДК 316.334.2

АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

THE ANALYSIS OF CONSUMER BEHAVIOUR IN THE MARKET OF CONSULTING SERVICES: AN INSTITUTIONAL APPROACH

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальной проблеме изучения новых на российском рынке услуг — консалтинговых, как процесса, в ходе которого отдельное лицо или фирма помогает клиенту достичь желаемого результата. Данный вид услуг в наибольшей степени отражает специфику мирового тренда развития экономики — повышения роли и стоимости нематериальных активов, информации, рекомендаций, часто не имеющих «материального воплощения», но имеющих высокую «символическую ценность».